

Есаулов И. А.

**Гоголь и Розанов:
проблемное поле
в свете судьбы России¹**

В 1909 году открытию памятника Гоголя Василий Розанов посвятил два очерка. Первый назывался «Русь и Гоголь». Среди прочего, там утверждалось следующее:

Великая и малая Россия через эти памятники, поставленные именно в Москве (имеются в виду памятники Пушкину и Гоголю. – *И.Е.*), этом дорогом «сердце России», сливаются духовно в одно и символически говорят, что есть одна Россия и один русский народ, как одна душа, один голос, одна воля. Гоголь был и хотел быть только русским поэтом, взирая на малороссийство своё, как зрелый человек взирает на своё детство. <...> «Хохол» и «хохлушка» остаются и навсегда останутся дорогими, милыми фигурами в русском воображении и представлении, но нет «хохлацкой истории», как и «хохлацкая политика» навсегда останется главою кукольного театра, а не серьёзным зрелищем. Великий Гоголь вывел малорусский народ на общерусский путь жизни, сознания и говора. <...> Памятник, открываемый Гоголю в Москве, овеществляет, бронзирует мысль о Гоголе, утвердившуюся в душе русского народа. Памятник выражает собою, что Гоголь признан как великий учитель, как великий наставник русского народа. <...> Нет русского современного человека, частица души которого не была бы обработана и прямо сделана Гоголем. <...> В Пушкине Русь увенчала памятником высшую красоту человеческой души. В Гоголе памятником она венчает высшее могущество слова. Первый – своими поэтическими образами <...> точно поставил над головою русского народа <...> точно невидимый венец, как на иконах наших пишется золотой нимб над главами святых. Он возвёл в идеал и свёл к вечному запоминанию русскую простоту, русскую кротость, русское терпение, наконец, русскую всеобъемлемость, русское всепонимание, всепостижение. Не таков Гоголь, сила его – в другом: необъясни-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-012-90043.

мыми тревогами души своей, неразгаданными в источнике и сейчас, он разлил тревогу, горечь и самокритику по всей Руси. Он – отец русской тоски в литературе: той тоски, того тоскливого, граней которого сейчас и предугадать невозможно, как не видно и выхода из неё, конца её. <...> Он глубоко изменил настроение русской души. В светлую или тёмную сторону – об этом не станем спорить, не время сейчас спорить. Но бесспорно остаётся его сила в этой перемене. И эту-то силу Русь увековечивает памятником¹.

Однако чем дальше, тем сильнее у Розанова мы видим акцентуацию именно «тёмной» стороны Гоголя. Так, в «Мимолётном. 1914» он писал:

Что же я бешусь? Что же я бешусь? А бешусь! Только Гоголя и ненавижу. «Из него тьма». Мы все «из Гоголя». И гоголевской сути от нас не отмоешь (VIII: 462).

Впервые Розанов интерпретирует гоголевское наследие в книге «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1891) и связанных с ней статьях «Пушкин и Гоголь» (1891) и «Как произошёл тип Акакия Акакиевича» (1894). Обращает на себя внимание центральный тезис этих работ: по мысли Розанова, русская литература «вся в своём целом явилась отрицанием Гоголя, борьбой против него» (VII: 18). Розанов противопоставляет гениальность гоголевского изображения «внешних форм» и пустой, бездушной сущности:

Мёртвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь и мёртвые души только увидел он в ней. Вовсе не отразил действительность он в своих произведениях, но только с изумительным мастерством нарисовал ряд карикатур на неё: от этого-то и запоминаются они так, как не могут запомниться никакие живые образы (VII: 20).

Иногда у Розанова звучат вполне загадочные, но пророческие строки:

Выложите вы его (Гоголя. – И.Е.) из русской действительности, жизни, духовного развития: право, потерять всю Белоруссию не страшнее станет (IV: 122).

Как мы знаем, *вся Белоруссия* ныне именно что «потеряна», не говоря уже об Украине: это уже ныне и не части России. И что уж тут говорить о «русской действительности» и её «духовном развитии»? Но вот виновен ли Гоголь в этих «потерях», способствовал ли он им, либо же пытался остановить грядущий крах?

Вторая розановская статья об андреевском монументе называется так: «Отчего *не удался* памятник Гоголю?». Начало статьи, правда, в данном случае также *неудачно* – на сей раз Розанов не угадал:

Памятника, по крайней мере в Москве, – второго Гоголю не будет: и то, что испорчено «на этом месте и в этот год», естественно, никогда не исправится².

Как мы знаем, *второй* Гоголь в Москве – есть... И *первый* именно поэтому покинул «своё» место. Вот только «исправилось» ли это место – большой вопрос...

Однако какова логика Розанова?

Ничего нет легче, как прочитать лекцию о Гоголе и дивно иллюстрировать её отрывками из его творений. В слове всё выйдет красочно, великолепно. А в лепке? – Попробуйте только вылепить Плюшкина или Собакевича. В чтении это – хорошо, а в бронзе – безобразно, потому что лепка есть тело, лепка есть форма, и по-

¹ Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. М., 1994–2010. Т. IV. С. 352–353. В дальнейшем тексты В. В. Розанова, кроме специально оговорённых случаев, цитируем по этому изданию с указанием римской цифры тома, арабской – страницы в скобках после цитаты.

² Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 292.

винуется она всем законам осязаемого и осязаемого. Как вы изваяете «бесплотных духов» Гоголя и его самого, который в значительной степени был тоже «бесплотным духом»? <...> «Мертвые души» и «Ревизор» всё венчают: но что это такое? Отрицание монументальности, отрицание нужности самого портрета. Гоголь нарисовал *последний* портрет этих «душ», предсмертный портрет. И так нарисовал, что вся Россия закричала: «*Похоронить их!* – похоронить как можно скорее!! Засыпать землёю, чтобы и лица их не видно было, не слышно было запаха их!» <...> Тайна Гоголя, как-то связанная с его «безумием», заключается в совершенной неодолимости всего, что он говорил в унижительном направлении, мнущем, раздавливающим, дробящем. <...> Ну, что же тут ставить памятник? Кому? Чему? Пыли, которая одна легла следом по той дорожке, по которой прошёлся Гоголь? Воздвигают *созидателю*, воздвигают *строителю*. <...> Но самая суть пафоса и вдохновения у Гоголя шла по обратному, антимонументальному направлению: пустыня, ничего <...> Всё вдруг начинает уходить под землю, вниз, в могилу: и целая планета становится могилою своего обитателя человека <...>¹.

Осмысление Гоголя значительное место занимает и в таких книгах Розанова, как «Опавшие листья» (1913), «Сахарна» (1913), «Мимолётное» (1914), «Последние листья» (1916, 1917).

Согласно Розанову, чрезвычайно и чрезмерно велико значение Гоголя для русской истории:

Реформ Александра II, в их самоуверенности и энергии нельзя себе представить без предварительного Гоголя. После Гоголя стало не страшно ломать, стало не жалко ломать <...> Гоголь, маленький, незаметный чиновничек «департамента подлостей и вздоров» («Шинель») сжёг николаевскую Русь (IV: 121–122); Появление Гоголя было бóльшим несчастьем для Руси, чем всё монгольское иго. <...> Гоголь отвинтил какой-то винт внутри русского корабля, после чего началось неудержимое, медленное, год от году потопление России. После Гоголя Крымская война уже не могла быть выиграна (VIII: 196).

Поздний Розанов обвиняет и Гоголя-христианина:

Страшны не мёртвые души, а страшен Гоголь, решившийся написать о мёртвых, когда душа всегда жива и умереть не может. Гоголь написал самую антихристианскую, антибожественную книгу <...> Он написал, что Христу не только не было за кого умирать, но что Ему не нужно совсем и приходить на землю и что вся вообще «христианская история» и «жития мучеников» есть один комизм (VIII: 283).

Годом позже, в «Мимолётном. 1915» Розанов формулирует рецептивные последствия для России доверия к фантазмам Гоголя:

<...> *все русские* прошли через Гоголя, – это надо помнить. Это самое главное в деле. Не *кто-нибудь*, не *некоторые*, но все мы, всякий из нас <...> Каждый *отсмеялся* свой час <...> «от души посмеялся», до животика, над этим «своим отечеством», над «Русью»-то, ха-ха-ха!! – «Ну и Русь! Ну и люди! Не люди, а свиные рыла. Божии создания??? – ха! ха! ха! Го! го! го!...» <...> Лучше умереть, чем жить с Гоголем, читать Гоголя, вторить Гоголю, думать по Гоголю (II: 40).

Розанов, как известно, стоит у истоков того направления, достаточно распространённого в наше время, согласно которому именно русская литература более всех виновна в крахе «рассыпавшейся», «слинявшей за три дня» России:

¹ Там же. С. 296–298.

После того, как были прокляты пампушки у Гоголя и Гончарова ("Обломов"), администрация у Щедрина ("Господа Ташкентцы") и история ("История одного города"), купцы у Островского, духовенство у Лескова ("Мелочи архиерейской жизни") и наконец вот самая семья у Тургенева, русскому человеку не осталось ничего любить, кроме прибауток, песенок и сказочек. Этот самозабавляющийся прощельга и произвёл революцию¹.

Розанов в итоге признаёт правоту Гоголя, но это признание горькое:

Революция нам показала и душу русских мужиков, «дядю Митяя и дядю Миная», и пахнущего потом Петрушку, и догадливого Селифана. Вообще – только Революция, и – впервые революция оправдала Гоголя (IV: 658).

Однако поставим эту конечную оценку Розановым гоголевского творчества в контекст доминирующего в России истолкования Гоголя. Это не было сделано ни в интересной, хотя и во многом спорной работе В. В. Ерофеева [1990], ни в кратком очерке С. Б. Джимбинова [2013]. Не будем вспоминать в этой статье о Белинском и революционных демократах. Обратимся к другому направлению. Казалось бы, у Николая Бердяева, самого известного из наших религиозных философов, можно было бы ожидать найти иные представления о гоголевском мире, нежели у Розанова. Однако же – в статье «Духи русской революции», вошедший в сборник «Из глубины» (1918 год) Бердяев солидаризировался с Розановым. Для Бердяева «Гоголь был художником зла <...> творчество Гоголя есть художественное откровение зла как начала метафизического и внутреннего»².

Бердяев так интерпретирует образы и идеи Гоголя, Достоевского, Толстого, что писатели не только показали стране «русских бесов» (бесов «лжи и подмены», «равенства», «бесчестья», «отрицания», «непротивления» и многих других), но и, так сказать, *заселили* этими «нигилистическими бесами» саму Россию. Революция, по Бердяеву, «превратила Россию в бездыханный труп», она – «антинациональна» (с. 75). Но, с другой стороны, духи русской революции – «русские духи» (с. 76), их обнаружила (а то и вызвала) именно *русская* литература. Более того, в глубине уже постреволюционной России каким-то образом Бердяев пытается увидеть «на каждом шагу» те самые образы (Хлестакова, Верховенского, Смердякова и других), которые читатель ранее встречал не в жизни, а на страницах литературных произведений. Произошла материализация этих бесплотных духов, которые «использованы врагом нашим на погибель нашу» (с. 76). В финале своей статьи Бердяев противопоставляет «антихристианские духи революции» и «христианский дух России», утверждая, что в «новой» России «христианские» и «антихристианские» начала будут «более резко» разделены, нежели это было ранее, в «старой» России (с. 103–107).

В интерпретации творчества Гоголя-художника Бердяев следует за отрицательными характеристиками Розанова, противопоставляя некую «духовную революцию», всё ещё желаемую им, и ту революцию, которая реально произошла в России. Именно в последней «обнаруживается колоссальное мошенничество, бесчестность <...> бессовестный торг <...> народной души с народным достояни-

¹ Розанов В. В. Сочинения. М., 1990. С. 447.

² Бердяев Н. А. Духи русской революции // Бердяев Н. Н. О русских классиках. М., 1993. С. 78. В дальнейшем цитируем статью Бердяева по этому источнику с указанием страницы в скобках после цитаты.

ем» (с. 81). По утверждению Бердяева, «многие декреты революционной власти совершенно гоголевские по своей природе, и в огромной массе обывателей они встречают гоголевское к себе отношение» (с. 81). Следует заметить, что бердяевское уподобление реальной революции и «русской тьмы <...> русского зла» (с. 80), присущего, по Бердяеву, именно «старой» России, многожды использовалось затем как в отечественной, так и зарубежной русистике – без понимания качественной новизны советского типа культуры сравнительно с русским.

Несмотря на чрезвычайно высокую оценку Достоевского, типичную для Бердяева (и куда более сдержанную оценку наследия Толстого, который, с точки зрения философа, «является одним из виновников разгрома русской культуры» (с. 101)), утопический революционизм Бердяева, типичный для многих деятелей русского серебряного века, проявился в особом видении им послереволюционной реальности, когда, вопреки очевидности, философ пытался доказать, будто «в революции раскрылась всё та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полузвериная Россия харь и морд» (с. 80). Объяснением подобной аберрации является высказанное в этой же работе заветное убеждение Бердяева, что именно «революционная гроза очистит нас от всякой скверны» (с. 80). Когда же эта «гроза» оказалась совершенно не той, которую в своих утопиях жаждали увидеть люди серебряного века, то «виновной» для части его представителей (таких, как Бердяев) оказалась всё та же самая «старая» Россия, но не их собственные утопичные прожекты, опровергнутые прозаической реальностью.

Поэтому Бердяев и может писать:

Гоголю открывалось бесчестье как исконное *русское* свойство. Это бесчестье связано с неразвитостью и нераскрытостью личности в России, с подавленностью образа человека. С этим же связана и нечеловеческая пошлость, которой Гоголь нас подавляет и которой он сам был подавлен. Гоголь глубже славянофилов видел Россию. У него было сильное чувство зла, которого лишены были славянофилы. В вечно-гоголевской России переплетается и смешивается трагическое и комическое. Комическое является результатом смешения и подмены. Это смешение и переплетение трагического и комического есть и в русской революции. Она вся основана на смешении и подмене, и потому в ней многое имеет природу комедии. Русская революция есть трагикомедия. Это – финал гоголевской эпопеи. И, быть может, самое мрачное и безнадежное в русской революции – это гоголевское в ней (с. 82).

Нет никакого признания *собственной* вины за русскую трагедию:

Русские люди, желавшие революции и возлагавшие на неё великие надежды, верили, что чудовищные образы гоголевской России исчезнут, когда революционная гроза очистит нас от всякой скверны. В Хлестакове и Сквозник-Дмухановском, в Чичикове и Ноздрёве видели исключительно образы старой России, воспитанной самовластьем и крепостным правом. В революции раскрылась всё та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полузвериная Россия харь и морд. В нестерпимой революционной пошлости есть вечно-гоголевское. Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая подыметя во весь свой рост после того, как падёт самовластье. Слишком многое привыкли у нас относить на счёт самодержавия, всё зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя рус-

ские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а *русская* тьма и *русское* зло остались (с. 80).

Обращает на себя внимание, что парадоксальным образом Розанов, а за ним и Бердяев смыкаются в своих оценках и своём истолковании Гоголя с советским литературоведением. Только для советских исследователей эти оценки имеют положительные коннотации, потому что, согласно их логике, Гоголь, как и вся русская литература, своей сатирой приближал гибель России, показывая не только негодность общественного строя, но и ничтожность русской жизни, а у Розанова и Бердяева коннотации отрицательные: Гоголь – художник Зла, потому что как раз вызвал «духов русской революции», уничтоживших всё лучшее в России, да и саму Россию.

Каково может быть сегодня наше отношение к подобным оценкам? Да, мы можем сказать, что всеми своими главными произведениями Гоголь как бы предугадал гибель той реальности, которая называется даже не «историческая» Россия, а просто *Россия*. Но признание этого факта не должно нас ввергать в совершенное уныние. Всегда следует помнить, что Воскресения без Смерти не бывает. Гоголь не приблизил своими произведениями эту Смерть, как полагал Розанов, но угадал её приближение, призвав своих читателей опознать в себе (а не в других) «мертвые души», дабы преодолеть собственное ветхое начало.

Наряду с этим, в гоголевском творчестве присутствует и надежда на пасхальное воскресение: Гоголь утверждает пасхальность России; как известно, он первый среди русских писателей Нового времени (да и вообще среди русских писателей) отчётливо сформулировал значение Пасхи для России и вообще для русского человека. Структура его важнейших произведений – пасхальна [Есаулов, 2004: 227–257], чего не заметили ни Розанов, ни Бердяев, ни другие русские философы, хотя они и перестали видеть в Гоголе исключительно сатирика, обращённого к социальным вопросам. Пасхальный вектор русской истории и культуры – от смерти к воскресению. И Гоголь гениально, как пожалуй никто из русских писателей, выразил в своём творчестве этот вектор. Не учитывая его, мы неизбежно будем искажать значение гоголевского наследия, приписывая Гоголю как чужие грехи, так и такие «достижения», которые самому писателю вряд ли понравились бы.

Литература

Джимбинов С. Б. Гоголь и Розанов // Глагол: Общество любителей русской словесности. Электронный источник: <http://olrs-glagol.ru/437/s-b-dzhimbinov-gogol-i-rozanov/>.

Ерофеев В. В. Розанов против Гоголя // Ерофеев В. В. В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990. С. 102–138.

Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М., 2004.